

«В тьме голубоокой»: Об одном эпитете у А. Н. Егунова

Всеволод Владимирович Зельченко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.zelchenko@spbu.ru
Bibliotheca classica Petropolitana,
Российская Федерация, 197198, Санкт-Петербург, Малый пр. ПС, 9–6; vzelchenko@rambler.ru

Для цитирования: Зельченко В. В. «В тьме голубоокой»: Об одном эпитете у А. Н. Егунова. *Philologia Classica* 2018, 13(2), 322–326. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu20.2018.214>

Заметка посвящена стихотворению «Среди тенет неодинокий...» (1964) из рукописного сборника А. Н. Егунова (Андрея Николаева: 1895–1968) «Елисейские радости». На заключительную строку этого семистишия, «скитанья в тьме голубоокой», позволяет пролить свет монография Егунова «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков», вышедшая в том же году. В книге Егунов систематически обращает внимание на то, как старые русские переводчики передают гомеровские эпитеты, и составляет для каждого из переводов каталог неологизмов. В этих перечнях останавливает внимание прилагательное *голубоокий* , которое (по случайной оплошности Егунова) названо изобретением сразу двух разных переводчиков — сперва Е. Н. Кострова, а потом Я. Н. Галинковского; в обоих случаях речь идет об эпитете Афины $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\omega\lambda\iota\varsigma$. «Скитанья в тьме голубоокой» — это странствия Улисса, в которых его незримо направляет покровительница-Афина.

Ключевые слова: А. Н. Егунов, *Елисейские радости*, голубоокий, составные эпитеты, Гомер, Одиссей.

В конце жизни, вняв просьбам младших друзей и учеников, филолог-классик и переводчик Андрей Николаевич Егунов (1895–1968) — он же поэт и прозаик Андрей Николаев¹ — составил книжку лирических стихотворений, написанных

¹ Хотя современным читателям Егунов-поэт известен именно под этим псевдонимом, Массимо Маурицио справедливо напоминает, что сам он использовал его лишь однажды — для романа «По ту сторону Тулы» (Л., 1931): «литературные произведения, хранящиеся в архиве Егунова, подписаны его настоящим именем» (Маурицио 2008, 4). Попутно заметим, что, на наш взгляд, значимость егуновского оммажа драматургу, сатирику и одописцу Н. П. Николаеву (1758–1815) современными интерпретаторами преувеличивается (Кондрагъев 1992, 28; Морев, в изд.: Николаев 2001, 7–8; Маурицио 2008, 4; Пинегина 2009, 24). Русский литературный этикет начала прошлого столетия обнаруживает одну своеобразную тенденцию в выборе *poms de plume*: сохраняя собственное личное имя, авторы принимают фамилию кого-нибудь из старинных поэтов «второго ряда». К примеру, тенишевский учитель Егунова символист В. В. Гиппиус печатался под псевдонимом Вл. Нелединский, друг Блока В. Н. Ивойлов — под псевдонимом Владимир Княжнин, а юный Н. К. Чуковский — под псевдонимом Николай Радищев; о каких-либо отсылках к предшественникам в этих случаях говорить очевидно не приходится. По-видимому, «Андрей Николаев» следует тому же обыкновению, заодно намекая на отчество автора. Обращает на себя внимание, что имя Н. П. Николаева ни разу не возникает на страницах монографии Егунова о русской рецепции Гомера (Егунов 1964), хотя при желании поводы упомянуть его у автора были: Николаев сравнивает с Гомером и себя самого (он

в двадцатые — пятидесятые годы. По его собственному признанию, он сумел восстановить по памяти около половины сочиненного: пять десятков вещей, собранных под заглавием «Елисейские радости». Подготовка этой (по условиям времени, разумеется, рукописной) книги, припоминание и переработка давних стихов дали толчок вдохновению, и сборник был дополнен несколькими новыми текстами. Один из них, датированный 7 сентября 1964 г., и будет нас занимать.

Среди тенет неодинокий,
но жизнь как повесть ни о ком —
там нераспутанным клубком
скатались все страницы дней,
тела минувших не-теней,
бреданья юности клубокой,
скитанья в тьме голубоокой.²

Казалось бы, это почти бесплотное семистишие менее всего нуждается в услугах комментаторской учености. Оно строится вокруг заметной невооруженному глазу пушкинской цитаты (второй, и он же заключительный, стих «Руслана и Людмилы»), где центральное слово замещено квази-антонимом, а два других подвергнуты симметричной фонетической трансформации (озвончение / оглушение). Предшествующая строка Пушкина, «дела давно минувших дней», словно бы растворена в ст. 4–5, где есть и *дней*, и *минувших*, и *тела*, перекликающиеся с *делами*. Вообще говоря, созвучие оказывается в этих стихах полноправным основанием для выбора и соединения слов: так, логика аллитерации связывает *тенета* и *тени*, а неологизм *клубокий* поддержан названным чуть выше *клубком*. Как отмечают Г. А. Морев и В. И. Сомсиков, в архиве поэта на листе с беловым автографом стихотворения сохранилась схематическая карандашная запись звуковых повторов:

тен			
там	тан		стьни
тал		ска	
тен			сти
тань		ски.	³

Оставляем читателю удовольствие самостоятельно отыскать эти элементы в тексте; укажем лишь, что к первому столбцу можно добавить также и *тел*.

Нагнетание слов с отрицательными приставками — так сказать, апофатических определений (*неодинокий*, *нераспутанный*, *не-тени*) — это чрезвычайно характерная черта и «Елисейских радостей» в целом, и другого сохранившегося поэтиче-

был слеп), и боготворимого им Хераскова, а в «Оде российским солдатам на взятие крепости Очакова» (1788), которую он приписал вымышленному «русскому Гомеру» Моисею Слепцову, уподобляет Очаков Трое (Альтшуллер 2014, 243, 348; Клейн 2018, 179–180).

² Николев 1993, 293; Николев 2001, 46 (с пометой «1964»). Точная дата проставлена в автографе стихотворения (о нем см. ниже), находящемся в архиве Егунова (собрание В. В. Сомсикова, Петербург); за указание на эту рукопись, как и за другие неизменно ценные подсказки и консультации, мы признательны К. Е. Константиновой.

³ Николев 1993, 349. В бумагах Егунова осталось множество записей созвучных слов (е. г. «увенчанных и увечных», «humor — умора — умер», «Овидий о виденном») — едва ли заготовки для стихов или каламбуров, скорее наблюдения за тем, что сам он назвал «метафизикой, таящейся в недрах языка» (Николев 1993, 223).

ского сочинения Егунова, поэмы «Беспредметная юность» (1918–1936).⁴ Наконец, темы призрачности жизни, населенной тенями (в античном понимании), и заново пересочиняемых воспоминаний — также сквозные в сборнике, что намечено уже в его заглавии.

Все это, повторим, очевидно для любого читателя; и тем не менее одна деталь в этих стихах, как кажется, заслуживает комментария. В предшествующем 1963 г. Егунов закончил свой главный исследовательский труд — книгу «Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков». Тема этой монографии много шире названия: речь идет, по существу, об образе Гомера в отечественной словесности от Древней Руси до середины XIX в., притом в широкой европейской перспективе (спор древних и новых, Гомер как выразитель народной души у гердерянцев, «дикий» Гомер романтиков и т. п.). Последовательно обсуждая десяток переводов «Илиады» и «Одиссеи», Егунов сравнивает их по нескольким параметрам, показывая различие подходов к одним и тем же проблемам, обусловленное как вкусами времени, так и индивидуальными стратегиями. К примеру, он вновь и вновь возвращается к противопоставлению «души павших героев» — «сами герои» в зачине «Илиады», проверяя на этой оппозиции сразу нескольких переводчиков (большинство упрощает ее до анахроничного «души — тела»). Роль другого пробного камня выполняют гомеровские составные прилагательные: для каждого переводчика Егунов составляет каталог композитов, впервые введенных им в русский язык. Одно из таких прилагательных, *голубоокий*, по оплошности отмечено в двух местах книги как изобретение сперва Е. Н. Кострова (1787), а потом Я. А. Галинковского (1804):⁵ так оба они передают знаменитый постоянный эпитет Афины $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\omega\lambda\iota\varsigma$,⁶ привычный читателям Гнедича и Жуковского в варианте *светлоокая*.

Верно ли будет истолковать появление этого слова в стихах 1964 г. как более или менее случайную реминисценцию (Егунов-поэт запомнил и применил эпитет, остановивший внимание Егунова-филолога)?⁷ На наш взгляд, позволительно

⁴ Ср., напр., в «Елисейских радостях»: «невнятное находит колыханье», «и дружественным сном, и неземным здоровьем», «я не люблю воспоминаний не одетых», «и лес стоит над ним, / над неказненным, неказистым, никаким», «как пахнет шерстка сном неодиноким», «и неулегшиеся волны / колышат прошлого ковчег»; в «Беспредметной юности»: «незвестное тело», «ей не забыть / неизбытную быть», «О небывалая империя! / В окне неугасимый свет, / нездешний он и очень длинный...», «рядом с воином нетучным», «этот от земли отрыв / <...> / и не нужен, и не страшен, / и не важен, и не нов» и т. д. (число примеров легко может быть умножено). Любопытно, что Набоков в двух рецензиях 1928 г. ехидно отмечал моду на прилагательные с приставкой *не-* у молодых эмигрантских поэтов акмеистической выучки (Набоков 1989, 360, 517); впрочем, отрицательные эпитеты Егунова принципиально «авангарднее» — в смысле как неожиданной сочетаемости, так и прямого словотворчества.

⁵ Егунов 1964, 95, 159. Ср. также «голубоокою божественную деву» в «Гомеровом гимне Минерве» Гнедича (1807).

⁶ Об истории его толкования (включавшей, уже в античности, неверную интерпретацию *собоокая*) см. сжатую справку и богатую библиографию в словарной статье: Веск 1982, 161–162.

⁷ Не будь у нас хронологически близкого свидетельства из книги о Гомере, мы бы, пожалуй, оценили этот эпитет как поэтический без особых коннотаций: судя по данным Национального корпуса русского языка, он свободно встречается у русских авторов, включая ценимых Егуновым Державина, Капниста и Фета, хрестоматийных Некрасова и Блока и даже прозаиков от Нарезного до Андрея Белого. К *тэме голубоокой* Егунова ближе всего строки Д. П. Шестакова, также филолога-классика, «Уж мы летим, наедине с звездами, / Наедине с голубоокой мглой» («Нас кони ждут! Отдайся их порывам...», 1898), но какого-либо интереса Егунова к шестаковской лирике как будто не засвидетельствовано. «Гомеровские» композиты в поэзии Егунова не редкость: ср., напр., «пока нас утренней разлукой / не сгонит Феб золотолукий» (фрагмент утраченной поэмы «В окрестностях

утверждать большее. Книга, которой видится лирическому субъекту стихотворения его жизнь — это архетипическое повествование о странствиях, т. е. «Одиссея» (с прописной и со строчной буквы), она же «повесть ни о ком» (Οὐτις); «скитанья в тьме голубоокой» — это скитанья Улисса, которого, до поры незаметно, ведет его покровительница Афина. В биографии Егунова были и ссылка, и оккупация, и опыт «перемещенного лица», и попытка побега в американскую зону Берлина, и лагерь, и своего рода возвращение из подземного царства,⁸ и удивительный, как по заказу, последний адрес — *Весельная улица*. Мы не знаем, вспоминал ли он в этой связи о наказе Тиресия Одиссею (*Od.* 9, 121–137), но знаем деталь, сохранившуюся в памяти В. И. Сомсикова: Егунов говорил, что превысил двадцатилетний срок Одиссеевых странствий.⁹ В стихотворении «Среди тенет...» эта жизнь соотносится с судьбой мифологического скитальца, а заключительный эпитет, если мы не ошибаемся, дает ключ к прообразу.

Литература

- Альтшуллер М. Г. *В тени Державина: Литературные портреты*. Санкт-Петербург, Изд-во «Пушкинский Дом», 2014.
- Доватур А. И., Егунов А. Н., Боровский Я. М. Выбранные места из переписки друзей-филологов. Публ. А. К. Гаврилова, В. В. Зельченко. *Древний мир и мы* 2000, 2, 162–186.
- Егунов А. Н. *Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков*. Москва — Ленинград, Наука, 1964.
- Клейн И. Торжествующая Россия: Военная лирика XVIII века. *Slověne* 2018, 7, No 1, 174–210.
- Кондратьев В. К. Жизнь Андрея Николаева: Этюд с комментариями. *Место печати* 1992, 1, 27–36.
- Маурицио М. «Беспредметная юность» А. Егунова: *Текст и контекст*. Москва, Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008.
- Набоков В. В. *Рассказы. Приглашение на казнь. Эссе, интервью, рецензии*. Сост. и примеч. А. А. Долинина, Р. Д. Тищенко. Москва, Книга, 1989.
- Николев А. (Егунов А. Н.). *Собрание произведений*. Сост., ред. и примеч. Г. А. Морева и В. И. Сомсикова. Wien, Peter Lang, 1993 (= Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 35).
- Николев А. *Елисейские радости*. С предисл. Г. А. Морева. Москва, ОГИ, 2001.
- Пинегина Е. Л. *Историко-литературные контексты творчества А. Н. Егунова*. Дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009.
- Beck W. Γλαυκόπις, in: *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Lief. 10. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1982, 161–162.

References

Alt'shuller M. G. *V teni Derzhavina: Literaturnye portrety* [In the Shadow of Derzhavin: Literary Portraits]. Saint Petersburg, Izd-vo 'Pushkinskii Dom', 2014. (In Russian)

любви», 1933–1936; Николев 1993, 336 — с печаткой *золоторукый*), «многоплывная река», «многоцветный многобог», «всезаглушающие растения, / жесткокрылатые звери», «вечностранником простым» («Беспредметная юность»), «разношуршащий этот ворох» («Елисейские радости»). О цветных составных эпитетах см. также: Маурицио 2008, 113.

⁸ Ср. в его письме А. И. Доватуре от 6 августа 1956 г., после освобождения из лагеря: «Еще год назад я никак не предполагал, что мне доведется побывать в родном городе. Нынешнюю побывку рассматриваю как прощание с ним — а с ним за день не простишься, нужны месяцы. К числу таких прощальных развлечений относится и посещение бывших квартир, т. е. не квартир, конечно — кто меня туда пустит? — а дворов, подъездов, и подъем по лестнице до бывшей нашей квартиры. За всю жизнь, начиная с детских лет, таких мест накопилось немало, в разных частях города. Ощущение не скорбное, а какое-то странное, словно ты выходишь с того света или заживо странствуешь по елисейским краям» (Доватур и др. 2000, 174).

⁹ Николев 1993, 360.

- Beck W. Γλαυκῶπις, in: *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Lief. 10. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1982, 161–162.
- Dovatur A.I., Egunov A.N., Borovskii Ia. M. Vybrannye mesta iz perepiski družei-filologov. Publ. A.K. Gavrilova, V.V. Zelchenko [Selected Passages from Correspondence of Three Philological Friends. Ed. by A.K. Gavrilov, V.V. Zeltchenko]. *Drevnii mir i my [The Ancient World and Us]*, 2000, 2, 162–186. (In Russian)
- Egunov A.N. *Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov [Homer in Russian Translations of the 18th–19th Centuries]*. Moscow; Leningrad, Nauka, 1964. (In Russian)
- Klein J. Torzhestvuiushchaia Rossiia: Voennaia lirika XVIII veka [Russia Triumphant: War Poetry of the Eighteenth Century]. *Slověne*, 2018, 7, No 1, 174–210. (In Russian)
- Kondrat'ev V.K. Zhizn' Andreia Nikoleva: Etiud s kommentariiami [A Life of Andrei Nikolev: Essay with Notes]. *Mesto pečati [Stamp Here]*, 1992, 1, 27–36. (In Russian)
- Maurizio M. 'Bespredmetnaia Iunost' A. Egunova: Tekst i kontekst ['The Subjectless Youth' by A. Egunov: Text and Context]. Moscow, Izd-vo Kulaginoi; Intrada, 2008. (In Russian)
- Nabokov V.V. *Rasskazy. Priglasenie na kazn'. Esse, intervju, retsenzii*. Sost. i primech. A.A. Dolinina, R.D. Timenchika [Short Stories. Invitation to a Beheading. Essays, Interviews, Reviews. Ed. by A.A. Dolinin, R.D. Timenchik]. Moscow, Kniga, 1989. (In Russian)
- Nikolev A. (Egunov A.N.). *Sobranie proizvedenii*. Sost., red. i primech. G.A. Moreva, V.I. Somsikova [Collected Works. Ed. by G.A. Morev, V.A. Somsikov]. Wien, Peter Lang 1993 (= Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 35). (In Russian)
- Nikolev A. *Eliseiskie radosti*. S predisl. G.A. Moreva [Elysian Pleasures. With a Foreword by G.A. Morev]. Moscow, OGI, 2001. (In Russian)
- Pinegina E.L. *Istoriko-literaturnye konteksty tvorchestva A. N. Egunova*. Diss. <...> kand. fil. nauk [Historical and Literary Contexts of the Work by A. N. Egunov. PhD Thesis]. Perm', 2009. (In Russian)

Received: August 21, 2018

Accepted: October 19, 2018

“In the Blue-Eyed Haze”: A Note to an Epithet by A. N. Egunov

Vsevolod V. Zeltchenko

St. Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.zelchenko@spbu.ru

Bibliotheca classica Petropolitana,

6/9, Krasnogo Kursanta, St. Petersburg, 197198, Russian Federation; vzelchenko@rambler.ru

The paper deals with one of the latest poems in the collection *Eliseiskie radosti (Elysian Pleasures)* by Andrei N. Egunov (*nom de plume* Andrei Nikolev, 1895–1968), the famous classical scholar, translator of Plato and the Greek novelists, and a modernist poet. These seven iambic verses, ‘*Sredi tenet neodinokii...*’ (‘I’m not alone between the hunting-nets...’), dated 1964, end with a line ‘*skitan'ia v t'me golubookoj*’, ‘wanderings in the blue-eyed haze’. It is worth noting that in his monograph *Homer in Russian Translations of the 18th–19th Centuries*, issued the same year, Egunov mentions the rare compound adjective *golubookii* as coined by Ermil Kostrov and Iakov Galinkovskii, two early Russian translators of the *Iliad*, rendering Homeric γλαυκῶπις, the famous epithet of Athena. This parallel seems to provide the key for the interpretation of the whole piece. Egunov compares his life with the *Odyssey* (‘*no zhizn' kak povest' ni o kom*’, ‘but my life is like the tale about No-One’; Ulysses names himself Οὐτις ‘No-One’ in Polyphemus’ cave), and the *wanderings in the blue-eyed haze* are the wanderings of the Ithacian hero guided by Athena. This idea can be corroborated with Homeric echoes in Egunov’s poetry and with his sad *mot* about Ulysses transmitted by his friend and biographer Valerii Somsikov.

Keywords: A. N. Egunov, *Elysian Pleasures*, blue-eyed, compound adjectives, Homer, Ulysses.